

18+

ПРОХОДНАЯ КУМЖА

30 ДНЕЙ
СЧАСТЬЯ
ВИКТОР
УЛИН

Виктор Улин

Проходная кумжа. 30 дней счастья

«Издательские решения»

Улин В.

Проходная кумжа. 30 дней счастья / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605976-4

В современной России люди зрелого возраста, приближающиеся к концу пятого десятка, считаются выброшенными на обочину. В их жизни остаются лишь семья, дети и бесконечная, бессмысленная работа — не имеющая цели, не несущая радости. Лишь стечение случайных обстоятельств, как у героев этой повести, может ненадолго подарить внезапное счастье. Однако остается неясным, хорошо это или плохо, не окажется ли возвращение в прежний образ существования подобно смерти.

ISBN 978-5-00-605976-4

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Проходная кумжа 30 дней счастья

Виктор Улин

Гизеле Л., пронзившей мою жизнь

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5976-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Не хвались завтрашним днем;
потому что не знаешь, что родит этот день»*

(Прит. 27:1)

1

– И где этот чертов ключ! – в сердцах пробормотал Волынец. – Куда я его засунул...

Он уже несколько раз перерыл карманы, сверху донизу и обратно.

Там лежало все, чего сейчас не требовалось.

Нашлась домашняя связка: таблетка от нижнего домофона, ключи от первой двери квартиры и от второй.

Нашлись ключи от офиса – зачем он их взял, было известно одному богу.

В самом глубоком, застегивающемся кармане куртки, обнаружился брелок сигнализации.

Из него следовало вынуть батарейку, чтобы она не села в ноль за месяц безрезультатного поиска машины. Ведь на такой мелочи, как нынешние источники питания – дорогие и некачественные – можно было разориться.

Нужный ключ так и не нашелся, он куда-то исчез.

Волынец позвонил в дверь – раз, другой, третий – но отклика не было.

Сосед еще не подошел, ему оставалось сесть на подоконник у лифта, вдохнуть вонь мусоропровода и ждать.

Уже выйдя из отсека, Волынец вспомнил, что когда полногрудая Анна Иосифовна определяла на съемную квартиру, он сидел без куртки, поскольку процедура заняла много времени, а в академии очень сильно топили.

Он сунул руку в боковой карман сумки, нащупал бирку из тетрадной обложки и плоский ключ на скрепке.

Потенциальная неприятность миновала, можно было расслабиться.

Олег Константинович Волынец ничего не имел против учебного отпуска.

Получать в сорок с лишним лет второе высшее образование было смешно, но в целом нетрудно, а сессия давала передышку от обычной жизни.

Тем более, что передохнуть удавалось далеко от дома.

Заочная академия была московской. Аренда в цивилизованном городе обходилась дорого, поэтому филиал образовался на периферии, в райцентре соседней области.

Там и сама жизнь обходилась дешевле: целый месяц удавалось жить на сумму, которой дома хватало на две недели, причем без учета трат на бензин.

Единственной проблемой сессии оставалось поселение.

Московская контора была озабочена лишь выкачиванием денег за учебу, о благах не заботилась, общежитий не имела.

Вопрос жилья каждый решал по-своему.

Методистка потока Анна Иосифовна располагала базой съемных квартир.

Учились тут круглый год: когда уезжал один курс, тут же появлялся следующий. Арендодатели любили работать со студентами: такой вариант гарантировал сдачу площади на короткий срок без проблем с выселением постояльцев.

Заглянув в учебную часть, можно было найти жилье без лишних усилий: методистка называла адрес, выдавала ключ и брала деньги, самих хозяев никто не видел в глаза.

Студенты обсуждали процесс, выдвигали версии.

Некоторые говорили, что все квартиры принадлежат самой Анне Иосифовне – над такими домыслами Олег Константинович смеялся.

Он знал людей, существующих сдачей собственной недвижимостью; те жили иначе, чем методистка, которая не имела дорогого бюстгальтера, упаковывала великолепную грудь в китайский поролон.

Однако все сходились на том, что Анна Иосифовна берет процент за услуги.

Это казалось нормальным. Волынец считал, что человек должен получать вознаграждение за любой труд – даже за то, что посмотрит список и отметит занятые места.

Квартиры, которые удавалось снять таким образом, были маленькими.

Правда, последнее Олег Константинович знал лишь понаслышке.

На обе сессии первого курса он опоздал из-за производственных проблем.

Плохого жилья в городе было много, хорошего – мало. «*Аннины хоромы*» расходились быстро, не успевшие снимали большие неудобные квартиры.

В первую сессию Волынец жил с молодежью: энергичные парни пригласили недостающего. Но он пожалел о выборе: у двадцатилетних мозг находился между ног, а негуляющие ночами напролет сидели с планшетами в соцсетях.

В следующую сессию Олег Константинович определился с ровесниками – и тут уж проклял все на свете.

Его сожители курили и много пили – причем не коньяк или водку, а дешевое пиво, от одного запаха которого становилось дурно. К тому же все оказались спортивными болельщиками, то есть людьми, с которыми было не о чем говорить, кроме футбола и хоккея.

На осенней сессии второго курса Волынец решил всерьез позаботиться о быте, освободил время, приехал заранее и сразу пошел к Анне Иосифовне.

Методистка сказала, что есть место в прекрасной однокомнатной квартире на двоих, куда уже заселился некий Г. Лакман.

Волынец такой фамилии среди сокурсников не вспомнил и поинтересовался, как зовут будущего соседа.

Пошуршав по папкам, Анна Иосифовна ответила, что Лакман – с бухгалтерского потока, а зовут его, кажется Григорием.

Впрочем, насчет имени Олег Константинович спросил чисто для порядка.

По фамилии можно было полагать, что незнакомый сосед – или немец или еврей.

И то и другое радовало.

Сородич Даймлера и Бенца – равно как и единокровный брат Зеэва Жаботинского – по умолчанию являлся приличным человеком.

Жить с таким было бы на порядок лучше, чем с каким-нибудь пермяком Ваней, который говорит «*лОжить*» вместо «*класть*», комнату называет «*залом*», целый месяц носит одну и ту же футболку, а зубы чистит только перед сном.

И уж точно, Григорий Лакман вряд ли собирался завалить подоконник какими-нибудь плебейскими баранками в целлофановых пакетах.

Правда, когда в России стало невозможно жить нормальному человеку, отсюда уехали почти все немцы и евреи. Оставалось надеяться, что сосед – последний из могикан.

Отдав методистке деньги, расписавшись где надо и приняв из хорошо отманикюренных пальцев ключ, Волынец пошел по адресу.

Именно пошел, а не поехал: Анна Иосифовна предлагала квартиры в «*шаговой доступности*» от академии.

Все обстояло как нельзя лучше.

Дверь открылась легко, не закрипела и не перекосилась: за квартирой ухаживали.

Олег Константинович вошел, в передней достал тапочки и переобулся.

Не успев запереть за собой, он уловил запах женских духов и понял, что сюда недавно заходила хозяйка.

Квартира была обычной – однокомнатной с раздельным санузлом и кухней, размер которой жена определила бы как «*кошка сядет – хвост протянет*».

Впрочем, готовить Волынец не собирался, запаса денег хватало на еду из кулинарии.

В комнате имелся балкон.

К торцовой стене – в закутке справа от двери – примыкала большая кровать.

Около нее на стуле громоздились какие-то вещи, поверх всего лежал белый банный халат. Как ни спешил Волынец, неизвестный Лакман заселился первым и оккупировал лучшее место.

Свободную длинную стену занимали платяной шкаф и письменный стол.

Слева стоял узкий диван, на цветастом покрывале лежала стопка постельного белья.

В оставшееся пространство между лакированной диванной боковиной и окном втиснулась тумбочка с телевизором – не плоским, но достаточно новым, повернутым так, чтобы удавалось смотреть с обоих спальных мест.

Все было не хуже, чем в гостинице средней руки.

Анна Иосифовна знала свое дело.

Он прошел в угол, опустил сумку на пол.

Теперь можно было помыться, переодеться в свежее после дороги и ощутить себя на свободе.

Волынец блаженно потянулся – и только сейчас услышал, что в душе тихо шелестит вода.

Это обрадовало.

Сосед, однозначно, был немцем и к гигиене относился с тем же рвением, что и он сам.

Ближайший месяц не предстояло вдыхать ароматы дырявых «треников» и носков, не меняемых по два дня.

Жить было хорошо, а хорошо жить было еще лучше.

Переложив белье на свободный стул, Волынец лег поверх покрывала, головой к окну – в тень телевизора – ногами к двери.

Он шесть часов ехал автобусом, на полдороги выпил двести граммов водки, сейчас клонило в безмятежный сон.

Но оставалось перетерпеть несколько минут прежде, чем окунуться в полное блаженство.

Шум затих.

Вдохнула и выдохнула незапертая дверь.

В комнату хлынула влажная волна, пахнувшая шампунем.

В коридоре зашлепали мокрые босые шаги.

– ...О-о-ой!!!

Олег Константинович открыл глаза.

В проеме без двери стояло белое тело, одетое лишь в красное полотенце на голове.

Черный треугольник под животом говорил, что немец Лакман оказался женщиной.

2

– Но как же так! Эта Иосифовна, черти бы ее задрали!
– Да уж, наша грудастая кариатида отколола номер, – согласилась незнакомка.
– Как выражаются в определенных кругах, к которым мы, к счастью, не принадлежим, – сказал Волынец. – Рамсы попутала.

Кухня была уютной.

В белом халате, замотанная тем же полотенцем, женщина резала домашний пирог.

На столе дымились чашки, чай она заварила из своих запасов.

– И что она вам сказала?

– Сказала, что в эту квартиру уже заселился Гэ-Лакман с бухгалтерского потока, которого зовут Григорием.

– «Гэ-Лакман» – это я. Лакман Грета Рудольфовна. Собственной персоной и, можно сказать, в собственном соку.

– Волынец, – привстав сказал он.

– А зовут?..

– Олег... Константинович.

– Очень приятно.

Соседка поправила халат, запахла потуже на груди.

В движении не было нужды, рассматривать там было нечего.

Это Волынец успел понять за секунды, когда обнаженная немка вспыхнула перед ним.

– Вы понимаете, у меня в мыслях ничего такого не было, – виноватым голосом сказал он. – Лакман и Лакман, то ли немец, то ли еврей, по фамилии не поймешь, что вы женщина.

– Вот, поверьте, если бы я пришла заселяться позже и спросила, с кем буду жить, она сказала бы, что О-Волынца, кажется, зовут Ольгой. И я бы тоже ничего такого не подумала, у меня в бухгалтерии есть Лена Волынец, милая девочка.

Женщина рассмеялась.

Судя по всему, она находилась в таком же приподнятом настроении, какое еще полчаса владело им самим.

– Да вы ешьте, Олег Валентинович, ешьте!

– Константинович, – машинально поправил он.

– Ох, извините, плохая память на имена, особенно отчества...

Грета Рудольфовна подтолкнула тарелку с большим куском пирога – кажется, грибного.

– Так о чем бишь я... – она провела ладонью по лбу. – Ах да... Квартирка чистенькая, но холодильник не мыли со времен Александра Великого, надо быстро съесть, не то провоняет.

– Пирог знатный, да.

– А вы кто, Олег Константинович? По виду не бухгалтер.

– Нет, не бухгалтер. Я вообще не знаю кто. Учусь... – Волынец невесело усмехнулся. – На маркетолога. Хотя убей бог, если понимаю, что это за профессия. И есть ли такая вообще. Но начальство требует второго высшего, как бы по профилю, грозитя взять молодого...

Слово, которое рвалось наружу, казалось неприемлемым в диалоге с незнакомой женщиной.

– ...С дипломом. А в миру я инженер-гидравлик. Работаю в фирме, бывшей государственной.

– Заместителем директора, – сказала Грета Рудольфовна.

– Как вы догадались?

– Потому что директора в вашем возрасте уже ничему не учатся, сами учат кого угодно... Сколько вам, кстати?

В речи женщины отсутствовали переходы, это забавляло.

– Скоро сорок семь.

– Хорошо сохранились.

– Насчет директора вы правы, – он кивнул. – Предприятие торгует оборудованием, всяким разным. Как оно организовалось, я стал замом по экономике. Им, должно быть и на пенсию уйду...

Олег Константинович вздохнул.

– ...Если, конечно, уйду и если она к тому времени еще будет.

– А мне сорок пять, – Грета Рудольфовна непонятно покачала головой. – И...

Она не договорила, села, закинув ногу на ногу.

Махровый халат не имел пуговиц, держался лишь поясом. Полы разошлись, круглое колено взглянуло на Волынца.

Он быстро отвел глаза – женщина успела заметить, прикрылась.

Это получилось плохо, ноги Греты Рудольфовны казались двухметровыми и заняли всю кухню.

Устав бороться с халатом, который не был рассчитан на ношение при постороннем мужчине, она придвинулась вместе со стулом, заслонилась краем стола.

Волынец подумал, что действие напоминает подростковую игру, абсолютно ненужную в их возрасте и в данной ситуации.

– Сорок пять... – повторила она, глядя в окно. – Осень жизни. Хоть и говорят, что ее, как осень года, надо благодарно принимать.

С девятого этажа тополевая посадка на краю квартала казалась сплошной желтой массой.

В самом центре виднелось дерево другой породы – высокое и еще зеленое.

– Вы тоже хорошо сохранились, – сказал Волынец, хотя так не думал.

Грета Рудольфовна выглядела на свой возраст, если не больше.

Голая она выглядела белой, в халате поблекла, колено казалось желтоватым.

Хотя это не интересовало.

Он устал от суеты, а отдых откладывался.

Третья сессия не задалась точно так же, как и первые две.

Не переведя дух, даже не помывшись, предстояло снова решать жилищные проблемы.

Олега Константиновича грызла досада. Неудачная соседка, кажется, подобного не испытывала.

Впрочем, она заселилась сюда первой и уходить должен был он.

– Я на самом деле тоже инженер, но уже сто лет как бухгалтер, с недавних пор главный, – заговорила Грета Рудольфовна. – Работала и работала, и все было прекрасно. Но сейчас комбинат выкупили москвичи. Все молодые, молоко на губах не обсохло, но командуют так, что только сабли сверкают. И та же история – заменят молодой, если не будет нужного диплома. Когда оказалось, что надо учиться, думала – повешусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.